

И. В. Сидорчук

Н. Я. МАРР и МАРРИЗМ В ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ¹

В статье рассматриваются работы западных специалистов, посвященные видному отечественному ученому Н.Я. Марру (1864–1934), его «новому учению о языке», а также роли в развитии отечественной и мировой лингвистики. Автор выявляет особенности отношения зарубежных специалистов к проблеме, начиная с работ, вышедших при жизни ученого, и заканчивая исследованиями последних лет. Показаны достоинства и недостатки их трудов, а также тенденции в изучении темы.

Ключевые слова: *Н.Я. Марр, новое учение о языке, марризм, наука и власть*

Среди зарубежных специалистов интерес к личности Н.Я. Марра и его теориям всегда был достаточно высок. По степени востребованности среди вопросов истории отечественной науки он уступает, пожалуй, лишь лысенковщине. Причины стоит искать как в оригинальности и радикальности его идей, претензиях на изменение мировой науки, так и в удивительной карьере и судьбе в непростых условиях существования советской науки 1920–1930-х гг.

Первые критические работы появились уже при жизни ученого. Среди них стоит выделить статьи К. Мэннинга² и А. Саважо³. К. Мэннинг, профессор Колумбийского университета, известный славист, находил многие выводы Марра интересными и ценными (прежде всего, в области исследования кавказских языков). По его мнению, положительным качеством ученого являлось умение уходить от консервативных научных положений, готовность смотреть на вопросы лингвистики свежим взглядом. К недостаткам его теории Мэннинг относил ее искусственное ограничение марксизмом, препятствующее дальнейшему развитию. Его французский коллега, профессор Школы восточных языков в Париже (впоследствии Национальный институт восточных языков и цивилизаций), Саважо называл критику Марром консервативного индоевропеизма справедливой и актуальной. При этом он с сожалением констатировал, что положительная часть концепции ученого не несет той новизны, которая позволила бы возродиться буржуазной лингвистике. Идеи Марра о классовом характере языка и четырех первичных элементах, по мнению Саважо, лишь гипотезы, доказательства которых еще более произвольны, чем у индоевропеистов. Отвергал он

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук, проект МК-6876.2016.6.

² Manning 1931. P. 143-146.

³ Sauvageot 1935. P. 160-168.

и претензии Н.Я. Марра на марксизм, одновременно полагая что банкротство яфетической теории отнюдь не означает бесперспективности марксистской лингвистики.

Начиная с 1950-х гг., во многом в связи с изменениями в советской лингвистике и развенчанием марризма, интерес к Марру растет. В частности, в 1951 г. вышла статья члена лингвистического общества Америки, сотрудника Мичиганского университета Г. Рубинштейна, посвященная последним изменениям в советском языкознании. Как Н.Я. Марру, так и его соратникам и последователям, он ставил в заслугу практическую деятельность по разработке грамматик для национальных окраин, ориентацию на практический результат, связь лингвистики с социальными задачами. Одновременно он полагал, что в таких условиях чистая наука остается без должного внимания и отсутствует разработка объективных методов⁴, следствием чего является недоказанность многих теорий академика.

В это же десятилетие были опубликованы работы, в которых серьезно анализировались причины возвышения и краха марризма. Так, в статье американского советолога Э. Гудмана, посвященной истории попыток создания в СССР единого мирового языка, Н.Я. Марр назван «отцом советской лингвистики»⁵. По мнению автора, причины провала реализации его проектов, первоначально близких стремлениям власти, крылись в послевоенном изменении отношения к русскому языку, ставшему претендовать на то, чтобы называться мировым языком социализма. Идеи Н.Я. Марра не могли быть приняты и по ряду внешнеполитических соображений. Во-первых, они шли вразрез с идеями панславизма, поддерживаемыми СССР в странах Восточной Европы, а, во-вторых, не были бы восприняты в дружественном Китае, так как согласно концепции Н.Я. Марра китайский язык был застывшим на низкой стадии развития⁶.

В вышедшей в 1957 г. монографии виднейшего зарубежного исследователя марризма, впоследствии сотрудника кафедры славянских языков и литературы Висконсинского университета Л.Л. Томаса⁷, идеи Марра в области лингвистики были рассмотрены в контексте исторического развития советской и мировой науки. Академик описан как честолюбивый конформист, с охотой подстраивающий свои научные выводы под политический заказ, и одновременно фанатик, ставящий свою теорию выше любой другой, в т.ч. и марксистской. В том же 1957 г.

⁴ Rubenstein 1951. P. 281-287.

⁵ Goodman 1956. P. 93. Э. Гудман также является автором монографии, посвященной анализу внутренней и внешней политики СССР в контексте попыток реализации идеи «всемирного государства», см.: Goodman 1960.

⁶ Goodman 1956. P. 96.

⁷ Thomas 1957(a).

Томас опубликовал статью, в которой были проанализированы причины успеха Марра и показана его связь с социально-политическими и культурными реалиями 1920–1930-х гг.⁸ Томас выделил две тенденции, присущие Марру как ученому с самого начала его научной карьеры – его готовность выступать против доминирующих в науке мнений и попытки связать родной язык своей матери-грузинки, который до этого считался изолированным, с другими⁹. Скептически Томас относился и к рассмотрению «нового учения о языке» как марксистской теории. По его мнению, не искусственная привязка к марксизму стала залогом успеха учения, а личность самого академика, сумевшего победить в научной борьбе¹⁰. Л.Л. Томас также стал первым исследователем, кто четко указал на уникальный интеллектуальный климат эпохи как важный фактор торжества зачастую фантастических идей Н.Я. Марра¹¹.

На рубеже 1950–1960-х гг. в журнале «The Slavic and East European Journal» вышли статьи сотрудника центра русских исследований Гарвардского университета Дж. Орнштейна и его коллеги из Университета Огайо М. Бенсона, посвященные истории советской лингвистики, в них рассматривалась фигура Марра, давалось краткое описание его теории и анализировалось ее влияние на языковую политику в СССР¹².

Некоторые зарубежные исследователи, в целом критикуя теории академика, признавали интересными ряд его мыслей. В частности, американский славист Дж.Л. Конрад, посвятивший Марру и «новому учению о языке» свою докторскую диссертацию, в статье 1963 г. признал не лишением смысла его версию о происхождении немецких языков как промежуточной стадии между яфетическими (в узком смысле) и индоевропейскими¹³. Французский славист, многолетний корреспондент «Юманите» и сотрудник Института славяноведения в Париже Р. Л'Эрмитт уделил Марру и его теории раздел своей статьи, посвященной советской лингвистике¹⁴. В ней он дал резко критическую оценку «новому учению о языке» и указал на то, что фантастические идеи Н.Я. Марра могли бы остаться чем-то вроде анекдота, если бы их распространение не совпало с особым периодом российской истории¹⁵. Впоследствии эти взгляды были более подробно раскрыты им в отдельной монографии, вышедшей в 1987 г.¹⁶

⁸ Thomas 1957(b).

⁹ Ibid. P. 325.

¹⁰ Ibid. P. 339.

¹¹ Ibid. P. 341.

¹² Ornstein 1959. P. 3-4; Benson 1961. P. 263-265.

¹³ Conrad 1963.

¹⁴ L'Hermitte 1969.

¹⁵ Ibid. P. 6.

¹⁶ L'Hermitte 1987.

В 1974 г. была опубликована коллективная монография под редакцией австрийского ученого Т. Борбе¹⁷, целью которой также являлась критика лингвистической теории Н.Я. Марра. Показательно, что марризм в данном случае рассматривался в контексте его претензий называться «марксистским языкознанием». Нам представляется очень удачным данный в работе анализ причин как симпатий, так и последующего отказа Сталина от теорий академика, возврата к поддержке русского языка. В частности, Борбе указал на то, что там, «где нет классов, не может быть и классовых языков»¹⁸. Издание также содержит статью профессора Иерусалимского университета В.П. Назарова, посвященную современному состоянию изучения кавказских языков и затрагивающую вопрос о вкладе Марра в исследование данной темы¹⁹.

В 1977 г. во Франции вышел специальный выпуск журнала «Langages», посвященный марризму. Его открывала статья редактора выпуска Ж.-Б. Марселлези²⁰, в которой он, в частности, провел сравнение марризма с лысенковщиной²¹. Впоследствии это сопоставление (во многом справедливо) стало общепринятым в отечественной и зарубежной историографии. В других статьях того же выпуска был проанализирован вклад Н.Я. Марра и его «нового учения о языке» в развитие лингвистики, показан его противоречивый характер²².

В 1982 г. В Норвегии вышла посвященная лингвистическим теориям Марра монография известного русиста Я.А. Бьернфлатена²³. Автор раскритиковал идеи академика, но не стал останавливаться на феномене марризма, оставив историко-культурную составляющую вопроса без подробного анализа. Другим крупным исследованием, посвященным Марру и его теории, стала монография немецкой исследовательницы Г. Брухе-Шульц 1984 г., в которой давалась резко негативная оценка роли Н.Я. Марра в истории отечественной науки, а торжество марризма трактовалось, наряду с лысенковщиной, как символ сталинской репрессивной политики в области науки²⁴. Брухе-Шульц в 1993 г. опубликовала также статью, посвященную марризму и его связи с марксизмом в контексте истории языкознания в СССР²⁵.

Если профессиональные лингвисты, несмотря на всю критику, все же склонны были искать рациональное зерно в теориях Марра, то

¹⁷ Kritik der marxistischen sprachtheorie Marr... 1974.

¹⁸ Borbé 1974. P. 14.

¹⁹ Nazarov 1974.

²⁰ Marcellesi 1977.

²¹ Ibidem.

²² Dupas, Lelievre 1977; Dupas 1977; Gadet 1977; Baggioni 1977.

²³ Bjørnflaten 1982.

²⁴ Bruche-Schulz 1984.

²⁵ Bruche-Schulz 1993. Интерес представляет и ее рецензия на книгу В.М. Алпатова «История одного мифа: Марр и марризм». Bruche-Schulz 1991.

для западных историков науки образ ученого почти всегда являлся символом бед, обрушившихся на русскую науку в период сталинизма. В частности, профессор Северо-Западного университета в Чикаго, член Национального совета по советским и восточноевропейским исследованиям Д. Жоравски понимал марризм как ярчайший пример торжества в СССР «самодурства», вульгарных антинаучных направлений²⁶. По его мнению, школа Марра установила в лингвистике диктаторский режим, подобный Аракчеевщине времен Александра I²⁷.

Еще более категоричную позицию занял профессор Университета Миннесоты А. Либерман²⁸. По его мнению, Н.Я. Марр являлся «маньяком», выглядевшим посмешищем в глазах западных ученых. При этом исследователь провел интересную параллель между ним и голландским языковедом Якобусом ван Гиннекеном. Последний, подобно своему российскому коллеге, отличался талантом и выдвигал схожие по степени своей незаурядности теории о родстве языков. Однако у голландца «не было другого оружия, кроме красноречия и силы убеждения», в то время как Марр активно использовал административный ресурс, вмешивал политику в научные дискуссии, а при случае просто уклонялся от ответа на критику. В результате в Советском Союзе после развенчания марризма произошел отказ от всех его идей, тогда как в Нидерландах антинаучные гипотезы Гиннекена умерли вместе с автором, а перспективные продолжали активно разрабатываться его коллегами²⁹.

В постсоветское время интерес западных специалистов к Марру не ослаб. В зарубежных изданиях регулярно появлялись статьи, в которых анализировалось как его учение, так и его история в контексте взаимоотношений науки и власти. В частности, финский исследователь М. Лахтемяки, в работе, написанной совместно с профессором Мордовского государственного университета Л.Н. Васильевым, исследовал влияние «нового учения о языке» на лингвиста В.Н. Волошинова³⁰. Авторы указали на то, что многих современников Марра поражала его неординарность, эрудированность и душевная широта, из-за чего они питали искренние симпатии к его оригинальным и смелым идеям, а также на то, что даже после признания учения Марра властью оно долгое время не принималось профессиональным ученым сообществом, и он не мог чувствовать себя абсолютным победителем в научном мире³¹. В другой статье М. Лахтемяки обратился к достаточно востребованной среди исследователей теме – истории попыток создания единого миро-

²⁶ *Joravsky* 1983.

²⁷ *Ibid.* P. 587.

²⁸ *Liberman* 1984.

²⁹ *Ibid.* P. 410-411.

³⁰ *Lähteenmäki, Васильев* 2005.

³¹ *Ibid.* P. 88-89.

вого языка³², активное участие в реализации которых принимал Марр. Наиболее подробно эта тема освещена В. Гречко, работающим в настоящее время в университетах Японии, а тогда в Рурском университете: он, в частности, показал, что работы ученого в этом направлении во многом повлияли на его поддержку Сталиным и гарантировали торжество его теории на рубеже 1920–1930-х гг. В данном случае Марру помогло умение доказывать важность и актуальность своих теорий для решения сиюминутных задач, а не для далекой перспективы³³.

Среди современных западных специалистов, благосклонно относящихся к Марру, можно назвать профессора Шеффилдского университета К. Брандиста. Анализ советской социолингвистики подвел его к выводу о ценности ревизионизма Н.Я. Марра, позволившего сделать существенный рывок в научном знании³⁴. Его коллега из Даремского университета, В. Резник, рассмотрела социологический аспект феномена марризма³⁵, являвшегося, по ее мнению, органичной составляющей утопического интеллектуального движения в рамках русского модернизма³⁶. Обратившись к теории научного поля П. Бурдьё, она рассмотрела идеологическую борьбу в советской лингвистике между марристами и их оппонентами на рубеже 1920–1930-х гг. сквозь призму анализа социального и профессионального статуса Марра до и после революции. Это позволило ей показать каким образом тактика, выбранная Марром, помогла ему не только не стать целью для атак молодых марксистских активистов, но и одержать его учению победу в борьбе за статус подлинной и единственной марксистской теории в уникальных условиях советской культурной революции.

В последние два десятилетия наибольшим вниманием фигура Н.Я. Марра и его учение пользуется среди франко-швейцарских исследователей. В первую очередь, стоит сказать о профессоре Лозаннского университета, заведующем Отделением славянской лингвистики и руководителе Научно-исследовательского центра по истории и сравнительной эпистемологии языкознания Центральной и Восточной Европы П. Серио. Сотрудники центра внесли важный вклад в исследование истории языкознания в России. В частности, стоит указать на выпущенное под редакцией П. Серио издание вестника центра, посвященное истории языкознания в СССР в сталинский период³⁷. Два года спустя, под его же редакцией вышел посвященный языкознанию в СССР номер вестника, в котором приняли участие ведущие за-

³² *Lähteenmäki* 2006.

³³ *Gretchko* 2010. P. 163.

³⁴ *Brandist* 2006.

³⁵ *Reznik* 2007.

³⁶ *Ibid.* P. 150.

³⁷ *Sériot* 2003.

падные и отечественные исследователи марризма.³⁸ В частности, отметим статью С. Морэ, в которой была проанализирована взаимосвязь марризма и эсперанто, а также их судьба в условиях сталинизма³⁹. В 2009 г. вышла статья П. Серио, в которой он рассмотрел влияние идей Марра на развитие советской социолингвистики 1960–1970-х гг.⁴⁰

Оригинальный подход к марризму применила коллега П. Серио по Лозаннскому университету Е. Вельмезова⁴¹. В эпистемологическом исследовании «нового учения о языке» она обратилась к принципам эпистемологического нейтралитета, сформулированным С. Ору. Также весьма интересным и перспективным стало ее обращение к концепции Серио, который ввел в науку понятия «дух времени» и «дух места». Несмотря на некоторую их неопределенность, они способствуют комплексному анализу социальной и пространственной среды, задающей тон и вектор интеллектуальных поисков научной элиты в рамках конкретной эпохи и конкретной страны с ее уникальным научным и культурным климатом. В другой статье Вельмезова провела сравнение взглядов Н.Я. Марра и филолога М.М. Покровского⁴².

Археологическая деятельность Н.Я. Марра, практически не попадавшая в сферу внимания западных специалистов, рассмотрена в статье Франсуа Джинджяна (Университета «Париж I Пантеон-Сорбонна»), в которой также существенного внимания удостоилась история инициированного Сталиным развенчания марризма в 1950 г.⁴³

Профессор Манчестерского университета, внучка Д.С. Лихачева В. Тольц-Зилитинкевич в монографии «“Собственный Восток России”: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период» (переведена на русский язык)⁴⁴, как и многие исследователи, подчеркнула неоднозначность роли Марра в развитии отечественной науки: с одной стороны, очевидна его заслуга в ее организации, вклад в области археологии и даже перспективность многих лингвистических идей, а с другой – колоссальный вред, нанесенный его учением отечественной гуманитаристике, и связь с репрессиями в отношении ряда отечественных специалистов.

Стоит также упомянуть работы, посвященные О.М. Фрейденберг, на которую Н.Я. Марр оказал чрезвычайно сильное влияние, и потому в них его учению уделено значительное внимание.⁴⁵

³⁸ *Sériot* 2005.

³⁹ *Moret* 2005.

⁴⁰ *Sériot* 2009.

⁴¹ *Velmezova* 2007. См. рецензии на нее: *Helden* 2009; *Brandist* 2008.

⁴² *Velmezova* 2008.

⁴³ *Djindjian* 2010.

⁴⁴ *Тольц* 2013.

⁴⁵ *Kabanov* 2002; *Perlina* 2002.

Подводя итог, можно сказать, что в западной историографии доминирует негативное отношение к теориям Н.Я. Марра и отрицательные оценки его роли в истории как советской лингвистики, так и гуманитаристики в целом. Вместе с тем значительное число исследователей признавали важность и перспективность некоторых его идей, а тем самым их актуальность. Стоит также отметить, что общим недостатком работ западных специалистов является опора практически исключительно на опубликованные источники. Игнорирование многочисленных архивных материалов зачастую не позволяло им рассмотреть проблему комплексно.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Толъц В.* «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднимперский и раннесоветский период. М.: НЛЮ, 2013.- 336 с. [Tol'ts V. «Sobstvennyi Vostok Rossiï»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskii i rannesovetskii period. M.: NLO, 2013.- 336 s.]
- Baggioni D.* Contribution à l'histoire de l'influence de la «Nouvelle Théorie du langage» en France // *Langages*. 1977. № 46 (Langage et classes sociales: Le marrisme). 1977. P. 90-117.
- Benson M.* Soviet Standardisation of Russia // *The Slavic and East European Journal*. 1961. Vol. 5. № 3. P. 263-278.
- Bjørnflaten Ja.I.* Marr og språkvitenskapen i Sovjetunionen: Bidrag til den Sovjetiske Språkvitenskaps Historie. Oslo: Novus Forlag, 1982.- 186 s.
- Borbé T.* Einleitung: Zur Kritik an der Lehre Marr's // *Kritik der marxistischen sprachtheorie Marr* / [hrsg. von] *Borbé T.* Kronberg: Scriptor Verlag GmbH, 1974. P. 5-16.
- Brandist C.* The rise of Soviet sociolinguistics from the ashes of Völkerpsychologie // *Journal of the History of the Behavioral Sciences*. 2006. № 42(3). P. 261-277.
- Brandist C.* Les lois du sens: La sémantique marriste. By Ekaterina Velmezova // *Historiographia Linguistica*. Vol. 35, Issue 1-2, 2008. P. 208-212.
- Bruche-Schulz G.* «Vladimir Michajlovic Alpatov. Istorija odnogo mifa. Marr i marrizm. Izd. Nauka Glavnaya Redaktsiya Vostochnoy Literatury, Moscow, 1991. 240 pp. // *Language Sciences*. 1993. Vol. 15. № 3. P. 255-60.
- Bruche-Schulz G.* Marr, Marx, and Linguistics in the Soviet Union // *Historiographia Linguistica*. 1993. Vol. 20. № 2-3. S. 455-472.
- Bruche-Schulz G.* Russische Sprachwissenschaft: Wissenschaft in historisch-politischen Prozeß des vorsowjetischen und sovjetischen Rußland. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1984. 156 s.
- Conrad L.J.* N.Ja. Marr on the origin of the Germanic languages // *Texas studies in literature and language*. 1963. Vol. 5. № 2. P. 283-293.
- Djindjian Fr.* Influences des 'ories linguistiques de Nicolas Marr et de l'article de Joseph Staline sur la pre 'histoire sovie 'tique: apports et autocritiques // *Ecrire le Passé. La fabrique de la préhistoire et de l'histoire à travers les siècles* / Ed. de Sophie A. de Beaune. CNRS Editions, 2010. P. 195-207.
- Dupas J.-Cl.* Pour et contre Marr: les arguments échangés // *Langages*. 1977. № 46 (Langage et classes sociales: Le marrisme). 1977. P. 38-58.
- Dupas J.-Cl., Lelievre Cl.* La controverse sur le marrisme : thèmes et déroulement // *Langages*. 1977. № 46 (Langage et classes sociales: Le marrisme). 1977. P. 24-37.
- Gadet Fr.* Théorie linguistique ou réalité langagière ? // *Langages*. 1977. № 46 (Langage et classes sociales: Le marrisme). 1977. P. 59-89.
- Goodman E.R.* The Soviet Design for a World Language // *Russian Review*. 1956. Vol. 15. № 2. P. 85-99.
- Goodman R.E.* The Soviet design for a world state. (Studies of the Russian Institute). New York: Columbia Univ. Press, 1960.- 512 pp.

- Gretchko V.* Между утопией и 'Realpolitik': Marr, Сталин и вопрос о всемирном языке // *Russian Linguistics*. 2010. Vol. 34. № 2. P. 159-172. [Gretchko V. Mezhdou utopiei i 'Realpolitik': Marr, Stalin i vopros o vseмирnomazyke // *Russian Linguistics*. 2010. Vol. 34. № 2. P. 159-172.]
- Helden v.A.* Velmezowa, E.: *Les Lois sens: la sémantique marriste* (Slavica Helvetica, 77). Bern, ect. Peter Lang, 2007, 392 pp. // *Russian Linguistics*. 2009. № 33. P. 319-345.
- Joravsky D.* The Stalinist Mentality and the Higher Learning // *Slavic Review*. 1983. Vol. 42. № 4. P. 575-600.
- Kabanov A.* Ol'ga Michajlovna Frejdenberg (1890-1955). Eine sowjetische Wissenschaftlerin zwischen Kanon und Freiheit. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2002.- 420 s.
- Kritik der marxistischen sprachtheorie Marr / [hrsg. von] *Borbé T.* Kronberg: Scriptor Verlag GmbH, 1974.- 262 s.
- L'Hermitte R.* La linguistique Soviétique // *Langages*. 1969. № 15 (La linguistique en U.R.S.S.). P. 3-13.
- L'Hermitte R.* Marr, marrisme, marristes; science et perversion idéologique: une page de l'histoire de la linguistique soviétique.- Paris: Institut d'études slaves, 1987. 102 pp.
- Lähteenmäki M.* Nikolai Marr and the idea of a unified language // *Language and & communication*. 2006. № 26. P. 285-295.
- Lähteenmäki M., Васильев Н.И.* Рецепция «нового учения о языке» Н.Я. Марра в работах В.Н. Волошинова: искренность или конъюнктура? // *Russian Linguistics*. 2005. Vol. 29. № 1. P. 71-94. [Lähteenmäki M., Vasil'ev N.I. Retseptsiya «novogo ucheniya oazyky» N.Ya. Marra v rabotakh V.N. Voloshinova: iskrennost' ili kon'yunktura? // *Russian Linguistics*. 2005. Vol. 29. № 1. P. 71-94.]
- Lieberman A.* Marr og språkvitenskapen I Sovjetunionen. Bidrag til den sovjetiske språkvitenskaps historie by Jan Ivar Bjørnflaten // *Language in Society*. 1984. Vol. 13. № 3. P. 409-412.
- Manning C.A.* Japhetology // *Language*. 1931. Vol. 7. № 2. P. 143-146.
- Marcellesi J.-B.* A Propos du Marrisme... "Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité" // *Langages*. 1977. № 46 (Langage et classes sociales: Le marrisme). P. 3-23.
- Moret S.* Marr, Staline et les espérantistes // *Cahiers de l'institut de linguistique et des sciences du langage*. 2005. № 20. P. 199-214.
- Nazarov V.P.* Der gegenwärtige Stand der Erforschung der kaukasischen Sprachen // *Kritik der marxistischen sprachtheorie Marr / [hrsg. von] Borbé T.* Scriptor Verlag GmbH; Kronberg Ts, 1974. P. 21-42.
- Ornstein Ja.* Soviet Language Policy: Theory and Practice // *The Slavic and East European Journal*. 1959. Vol. 3. № 1. P. 1-24.
- Perlina N.* Ol'ga Freidenberg's Works and Days. Bloomington, Indiana, 2002 (Slavica). VII, 288 pp.
- Reznik V.* Succession or Subversion: Professional Strategies of Soviet Cultural Revolution: The Case of Nikolai Marr // *Slavonica*. 2007. Vol. 13: № 2. P. 150-167.
- Rubenstein H.* The recent conflict in Soviet linguistics // *Language*. 1951. Vol. 27. № 3 (Jul.-Sep.). P. 281-287.
- Sauvageot A.* Linguistique et marxisme // *A la lumière du marxisme: Essais: Sciences Physico-Mathématiques, Sciences Naturelles, Sciences Humaines*. Vol. I. Paris: Editions sociales internationales, 1935. P. 160-168.
- Sériot P.* La sociolinguistique soviétique était-elle néomarriste ? (contribution à une histoire des idéologies linguistiques en URSS) // *Cahiers de l'institut de linguistique et des sciences du langage*. 2009. № 26. P. 37-60.
- Sériot P.* Le discours sur la langue en URSS à l'époque stalinienne (Cahiers de l'institut de linguistique et des sciences du langage. 2003. № 14). 356 pp.
- Sériot P.* Un paradigme perdu: la linguistique marriste (Cahiers de l'institut de linguistique et des sciences du langage. 2005. № 20). 392 p.
- Thomas L.L.* The linguistic theories of N.Ja. Marr. Berkeley and Los-Angeles: University of California Press, 1957(a). 176 p.

Thomas L.L. Some notes on the Marr school // *American Slavic and East European Review*. 1957(b). Vol. 16. № 3. P. 323-348.

Velmezova E. Les lois du sens: la sémantique marriste (*Slavica Helvetica*, 77). Bern, etc. Peter Lang, 2007. 392 pp.

Velmezova E. The social semantics of Mikhail Pokrovskij and Nikolaj Marr // *Studies in East European Thought*. 2008. № 60. P. 349-362.

Сидорчук Илья Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; *chubber@yandex.ru*

N.Ja. Marr and Marrism in Western historiography

The article is devoted to analysis of the famous Soviet scientist Nicholas Marr (1864-1934), his “new linguistic doctrine” and its role in the development of Russian and world linguistics as viewed by Western historiography. The author analyzed the characteristics of the research produced by foreign experts to the problem, starting with works published during the life of the scholar, and up to recent studies. The strengths and weaknesses of their works are indicated, as well as research trends.

Keywords: Nicholas Marr, “new linguistic doctrine”, Marrism, science and power in USSR in 1920’s.

Ilia Sidorchuk, PhD, assistant professor, Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Faculty of Humanities, History department; *chubber@yandex.ru*